

О ПОЛОНИЗМАХ В ЛИТОВСКОЙ МЕТРИКЕ (КНИГАХ СУДНЫХ ДЕЛ)

В. СТАШАЙТЕНЕ

Роль польского языка в становлении белорусского литературного языка является проблемой весьма сложной и до настоящего времени полностью не решенной.

Вопрос о степени влияния польского языка на восточно-славянские языки в научной литературе решается по-разному. Одни языковеды, особенно польские, доказывают несомненное значение польского языка не только в отношении лексики, но и в области фонетики и морфологии этих языков. Другие же опровергают влияние польского языка на восточно-славянские языки.

Несколько больше научных исследований имеется по вопросам полонистики в области русского и украинского языков. Так, например, полонистике посвящается диссертация В. М. Тамань¹. В ней анализируется польская лексика в сочинениях Ивана Грозного, А. Курского, И. Пересветова, А. Палицина и других русских писателей XVI — первой половины XVII в. По мнению автора, в языке исследуемых произведений почти нет полонизмов.

В своей диссертации И. А. Кильчевский² рассматривает лексику польского юридического памятника 1581 г. и ее взаимосвязи с русским, украинским и польским языками.

Польские заимствования в украинском языке XVII в. рассматривает Ф. Е. Ткач в статье «К вопросу о полонизмах в языке украинских деловых документов середины XVII в.»³, а также в своей диссертации на тему «Язык деловых документов канцелярии Богдана Хмельницкого» (1958). Автор утверждает, что в основе словарного состава исследуемых памятников лежит общенародная украинская лексика. Многие

¹ В. М. Тамань, О польской лексике в языке русских памятников XVI — первой половины XVII в., Л., 1953 (диссерт.).

² И. А. Кильчевский, Лексика польского юридического памятника 1581 г. „Speculum Saxonium, albo prawo saskie i majdeburskie“ Павла Щербича, Киев, 1955 (диссерт.).

³ См. Труды Одесского гос. университета, Одесса, т. 148, вып. 7, 1958.

из слов, общих для украинского и польского языков, либо являются наследием общеславянского языка-основы, либо независимо и самостоятельно возникли в каждом из этих языков.

Польские языковеды в своих исследованиях также затрагивают вопросы полонистики в области славянской лексики. Если польские лингвисты старшего поколения (И. Карлович, А. Брюкнер и др.) занимались в основном этимологическими исследованиями отдельных лексических единиц, то современные языковеды, наряду с этим, анализируют проблему взаимосвязей польского языка со славянскими языками в целом. Так, например, Лер-Сплавински⁴ в своих трудах прослеживает взаимоотношения польского и русского языков.

В своей статье «Влияние польского языка на словарный состав других славянских языков» А. Заремба⁵ приводит целый ряд фонетических, морфологических и лексических явлений, которые, по его мнению, следует считать результатом влияния польского языка на русский и белорусский языки.

В области белорусского языка вопросы полонистики до настоящего времени освещены совершенно недостаточно.

Период насильственного ополячивания белорусского народа, началом которого следует считать 1569 год (акт Люблинской унии), и последующая эпоха оставили более конкретные историко-лингвистические факты и, может быть, поэтому чаще привлекали внимание языковедов⁶. Между тем древние памятники белорусского языка XV—XVI веков в отношении полонистики не нашли всестороннего научного анализа. Имеются лишь отдельные статьи или замечания по поводу полонизмов в белорусском языке.

Известный лингвист Е. Ф. Карский, характеризуя язык одной из переводных повестей XVI столетия, отметил влияние польского языка на формирование словарного состава белорусского литературного языка⁷.

В. Ф. Кривчик в своей статье «Полонизмы в словарном составе белорусских повестей 16 в.»⁸ утверждает, что долгое время влияние польского языка на формировавшийся белорусский литературный язык преувеличивалось и часто специфические белорусские слова, проникавшие в письменные памятники из местных диалектов, относились к по-

⁴ Lehr-Spławiński, Wzajemne wpływy polsko-ruskie; его же: Początki rusycystyki, 1952; его же: Szkice z dziejów rozwoju języka polskiego, 1938.

⁵ См. A. Zaręba, Wpływy polszczyzny na słownictwo innych języków słowiańskich, „Język Polski“, XVI, 1961.

⁶ См. Л. М. Шакун, Образование белорусского национального литературного языка, Вопросы образования восточно-славянских национальных языков, АН СССР, М., 1962; A. Żurawski, Uwagi o pożyczkach polskich w języku białoruskim XVI—XVII w., „Slavia Orientalis“, W., 1961, Nr. 1; A. Martel, La langue polonaise dans les pays ruthènes. Ukraine et Russie Blanche 1569—1667, Lille, 1938.

⁷ См. Е. Ф. Карский, Белорусы, т. III, кн. 2, Варшава, 1903, стр. 78.

⁸ См. Даследаванні на беларускай і рускай мовах, Белор. гос. университет им. Ленина, каф. белор. і руск. яз., Мінск, 1958.

лонизмам. В своей диссертации В. Ф. Кривчик⁹ критически разбирает словарный состав исследуемых повестей с точки зрения происхождения слов и уделяет некоторое внимание анализу полонизмов, встречающихся в повестях; здесь автор на примерах отдельных слов опровергает их польское происхождение.

М. С. Мяцельская в своей диссертации¹⁰, при разборе белорусского письменного памятника конца XV и начала XVI столетия, также не придает особого значения влиянию польского языка на формирующийся белорусский литературный язык.

Из польских языковедов, затрагивающих данный вопрос, можно отметить следующих: Л. Осовски в статье «Из исследований о влиянии польского языка на белорусский язык»¹¹ доказывает значительное влияние польского языка на белорусский язык. Того же мнения придерживается А. Заремба (см. выше).

Следует отметить, что по поводу диссертации Тамань (см. выше) в журнале «Известия Академии Наук СССР»¹² за 1960 г. высказывается отрицательная точка зрения по отношению тенденциозности автора в некоторых вопросах. (Так, диссертант утверждает, что русский литературный язык XVI—XVII вв. не подвергался влиянию со стороны польского языка.) В той же статье журнала подчеркивается необходимость в изучении данного вопроса «с позиций, совершенно далеких от какой-либо тенденциозности» (стр. 428).

Основываясь на данном принципе, подходим к разбору вопроса.

Рассматриваемый нами памятник «Книги судных дел» (часть Литовской метрики) — памятник начала XVI века, не изобилует полонизмами. Смело можно утверждать, что полонизмы не являются словарным костяком для данного памятника. Однако в нем насчитывается некоторое количество слов, особенности которых свойственны польскому языку.

В настоящей статье отмечаются некоторые формальные (фонетические и морфологические) особенности, характеризующие лексические полонизмы исследуемого памятника, а также некоторые этимологические данные, на основании которых можно более точно определить исторический путь разбираемых слов.

Некоторые слова памятника можно отнести к числу полонизмов на основании следующих фонетических особенностей:

сочетания *-ро-*, *-ре-*, *-ло-*, которые соответствуют общеславянским или восточно-славянским сочетаниям *-оро-*, *-ере-*, *-оло-*. Примеры: *грод-*

⁹ См. В. Ф. Кривчик, Словарный состав белорусских переводных повестей второй половины XVI в., Минск, 1952 (диссерт.).

¹⁰ См. М. С. Мяцельская, Лексика Супральскага летапису, Мінск, 1958 (диссерт.).

¹¹ L. Ossowski, Ze studiów nad wpływami języka polskiego na białoruski, Komisja Naukowych Badań Ziemi wschodnich, Warszawa, 1936.

¹² «Известия Академии Наук СССР», отделение литературы и языка, т. XIX, вып. 5, М., 1960. Обзоры и рецензии — «Советская полонистика за 10 лет».

ский, серебро, золотый, хлоп. Следует отметить, что в памятнике встречаются обе формы (золотый и золотарь и т. п.);

польский *-e-*, соответствующий восточно-славянскому *-o-*, напр.: *посельский* (ср. *посолъ*);

-р-, соответствующий восточно-славянским *-ръ* или *-ро*, напр.: *кравый, трвати* и т. п.;

ой-, соответствующий общеславянскому *-от-*, напр.: *ойчизна* (от *ojcieś < oīci, oīca*).

К морфологическим особенностям, характеризующим лексические полонизмы нашего памятника, можно отнести следующие явления:

префикс *зу-* в словах, образованных от общеславянских корней, напр., *зуполно* (встречаются в памятнике и формы: *суполна, суполне*); форма причастия на *-л-*, напр.: *минувый*¹³;

суффикс *-щизн-а* в существительных, напр.: *серебщизна*;

частица *-се* в существительных: *увезаньесе, сягненьесе* и т. п. (ср. совр. польс. *-się*).

На наш взгляд, в отдельную группу можно выделить некоторые фонетические и морфологические черты полонизмов, восходящих к немецкому или чешскому языкам. Так, например:

немецкое *s* чаще всего в польском языке переходит в *ż*: *żołdnierz > żołnierz* (нем. *Söldner*); *spiża* (нем. *Speise*);

на месте немецкого *ge-* в польском языке *g*: *gwałt* (нем. *Gewalt*); *gleit* (нем. *Geleite*);

суффикс *-unek* — немецкого происхождения (*-ung*), как вполне обоснованно утверждает А. Брюкнер¹⁴, напр.: *рахунокъ* (ср. польс. *rachunek*), *шацунукъ* (ср. польс. *szacunek*).

Лексические полонизмы, встречающиеся в исследуемом памятнике, по нашему мнению, можно разбить с точки зрения этимологии на две основные группы: 1) слова, восходящие к общеславянскому языку, и 2) слова, заимствованные из немецкого языка.

1. Группу общеславянских по происхождению полонизмов можно еще делить на следующие подгруппы: а) слова, унаследованные от общеславянского языка, и б) слова, заимствованные польским языком из чешского языка.

а. Слова, по происхождению общеславянские, следует считать полонизмами на основании грамматических или семантических особенностей.

Ниже приводятся примеры некоторых полонизмов, имеющих в нашем памятнике, которые восходят к общеславянскому языку.

Слова *панъ, пани, панна*, по нашему мнению, следует считать полонизмами, хотя они восходят к общеславянскому **gъpanъ*. Слово *панъ*

¹³ А. А. Потехня считает формы причастий на *-ый* особенностью, характерной для полонизмов. См. Из записок по русской грамматике, изд. 2, 1889, стр. 242.

¹⁴ А. В г ѳ с к н е г, *Dzieje języka polskiego*, str. 93.

является сокращением от слова *županъ*. По Бернекеру¹⁵, славяне это слово переняли из тюркского языка. А. Брюкнер¹⁶ считает слова *žira* и *župan* единицей первоначальных славянских управлений: вся славянщина делилась на «жупы»; во главе таких административных единиц стояли «жупаны», а над ними властвовал великий «жупанъ». Позднее «жупанами» назывались в Польше чиновники суда. Со временем слово *жупанъ* сократилось в слово *жпанъ* (отсюда венгерский *ižpan*), а дальше в слово *pan*; *županі* — в слово *panі* (которого не знают южные славяне). Слова эти прочно укрепились в польском языке; они широко употребляются и до настоящего времени.

Кстати, можно отметить семантические изменения этих слов. Слово *pan* в старой Польше служило названием для каштелянов (до недавних времен каштелян Кракова носил звание „*pan krakowski*“) ¹⁷. В дворянской и буржуазной Польше слова *pan*, *panі* употреблялись не только для обозначения вежливого обращения (ср. русск. *господин*, *госпожа*), но и для названия сословных лиц, принадлежащих к шляхте, дворянству. В современной же Польше слова эти употребляются, в основном, в обращении.

В белорусский язык эти слова, возможно, вошли из польского языка в то время, когда, по утверждению М. Любавского¹⁸, правящий класс бояр, со времен сближения с Польшей, стал именоваться *панами*.

В белорусском языке слова *паня*, *пани*, *панна*, *панский* не удержались и теперь употребляются лишь с оттенком пренебрежения.

Слово *быдло* в старопольском языке (*bydło*) отмечается с XIV века¹⁹. Слово это образует корень от *być* — «быть» плюс польский формант *-dł-o*. Первоначальное значение этого слова — «быт, стан, помещение», позднее — «имущество», «собственность», а потом — «скот». В нашем памятнике это слово встречается только в последнем значении: «о всказе за забранье стада свирепъ и *быдла* инъшого...» (II, 988—14).

Можно согласиться с мнением Славского, Бернекера и др. в том, что слово это в белорусский язык вошло из польского языка. Веским доказательством такому утверждению служит польский суффикс *-dł-o*.

Слова *пильный*, *пильность* А. Брюкнер²⁰ считает праславянскими от **pilynъ*. В чешском языке слово *pilný* имеет то же значение, что и польское слово *pilny*. В нашем памятнике значения этих слов совпадают со значениями польских слов, напр.: «Записанье *пильности* (т. е. «неотложность») на року стороны отпорное...» (II, 1022—26); «служъба *пильная* (т. е. «неотложная») земъская зашла» (II, 546—30).

¹⁵ См. E. Berneker, *Etymologisches Wörterbuch*, 1908—13.

¹⁶ См. A. Brückner, *Dzieje języka polskiego*, 1960.

¹⁷ A. Brückner, *op. cit.*, 32.

¹⁸ См. М. Любавский, *Областное деление*, кн.: *Исторические очерки*, М., 1893, стр. 19.

¹⁹ См. T. Sławski, *Słownik Etymologiczny*, Zesz. I, Kraków, 1952.

²⁰ См. A. Brückner, *Słownik Etymologiczny* (413), 1927.

Слова *буда, будовати*. Е. Ф. Карский, ссылаясь на Ф. Миклошича, считает, что коренное слово *буда*, которое послужило основой для производного *будовати*, было известно «всем славянским языкам, а также литовскому, латинскому и старонемецкому»²¹.

Польские языковеды (Славски²², Карлович²³) считают, что в белорусский язык это слово перешло из польского языка.

б. Полонизмы — заимствования из чешского языка.

К словам, заимствованным польским языком из чешского языка, относятся в основном военные, административные термины, различные названия пошлин, а также слова, обозначающие отвлеченные понятия. В нашем памятнике также встречаются некоторые такие термины, а именно:

ручница (=ружье): «его зъ окна зъ *ручницы* стрелиль» (ЛМ Кн. судн. дел, II, 850—7);

староста (=должностное лицо): «съ паномъ *старостою* о томъ ... ся расправиль» (ЛМ Кн. суд. дел, II, 712—19);

смертельный в сочетании со словом *постель*: «на *смертельной* своей *постели*, призвавши въ домъ свой войта...» (ЛМ Кн. суд. дел, II, 1042). В старом польском языке употреблялось выражение *śmiertny*, а в более поздний период заимствовано из чешского *smrtelny*²⁴;

драбъ (=солдат): «Речи тыхъ *драбовъ*, которые розбили Андрея, Грека, Шперкгалтовы роты...» (ЛМ Кн. суд. дел, I, 259—36). По поводу происхождения этого слова имеются расхождения в мнениях ученых. Одни считают его полонизмом немецкого происхождения, другие относят его к словам, вошедшим в польский язык из чешского языка. Так, И. Карлович²⁵ считает, что имеющееся в среднелатинском, чешском, верхнелужицком, украинском языках слово *drab*, во французском *drabant* восходит к немецкому *traben, draben* (=идти или бежать умеренным шагом). Подобного мнения придерживаются А. Брюкнер²⁶ и Е. Бернекер²⁷. Между тем, по мнению немецкого лингвиста Ф. Клюге²⁸, ранее верхненемецкое слово *drabant* (=пехотинец), *drab* заимствовано из чешского языка во времена гуситских войн (в начале XV века). Польский языковед Т. Славски²⁹ также склонен к последнему утверждению, которое, на наш взгляд, можно считать вполне убедительным.

2. Полонизмы-заимствования из немецкого языка.

²¹ Е. Ф. Карский, Белорусы, т. I, Варшава, 1903, стр. 38.

²² См. Т. Sławski, Słownik Etymologiczny języka polskiego, Kraków, 1952.

²³ См. J. Karłowicz, Słownik wyrazów obcych, 1894.

²⁴ См. A. Brückner, Dzieje języka polskiego, 1960.

²⁵ См. J. Karłowicz, Słownik wyrazów obcych, 1894.

²⁶ См. A. Brückner, Słownik Etymologiczny, 1927.

²⁷ См. E. Berneker, Etymologisches Wörterbuch, S. 219.

²⁸ См. F. Kluge, Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, Berlin, I, 34, 624.

²⁹ Т. Sławski, Słownik Etymologiczny języka polskiego, Kraków, 1952.

Известный польский ученый А. Брюкнер³⁰ при исследовании полонизмов приходит к следующему выводу: чешские полонизмы отличаются от немецких своим абстрактным характером потому, что чехи не были колонистами польских земель. С подобным утверждением, нам кажется, нельзя полностью согласиться. Опровержением такому утверждению могут служить примеры германизмов, которые относятся к тем же семантическим разрядам, что и полонизмы чешского происхождения.

Ниже приводятся в качестве примеров некоторые полонизмы немецкого происхождения, встречающиеся в нашем памятнике. Примеры подбирались более яркие и убедительные, обоснованные выводами известных ученых, как то:

барва (польс. *barwa*) происходит от немецкого слова *varwa* (см. Berneker, Etymologisches Wörterbuch, 44);

фаса (польс. *fasa*) — от немецкого *Fass* (см. Miklosich, Fremdwörter 15; Sławski, Słownik Etymologiczny, I, 221);

фольга (польс. *folga, folgować*) — от немецкого *Folga, folgen* (см. Brückner, Etymologisches Wörterbuch, 124; Sławski, Słownik Etymologiczny, I, 233);

фурманъ (польс. *furman*) — от немецкого *Fuhrmann* (см. Sławski, Słownik Etymologiczny, II, 241; Korbut, Prace Filolog. IV, 505);

гвалтъ (польс. *gwalt*) — от немецкого *Gewalt* (см. Berneker, Etymologisches Wörterbuch, I, 364; Vasmer, Etymologisches Wörterbuch, I, 262);

кляшторъ (польс. *klasztor*) — от немецкого *Klöster* (см. Berneker, Etymologisches Wörterbuch, I, 524; Korbut, Prace Filolog., IV, 451; Brückner, Etymologisches Wörterbuch, 252);

коштъ, коштовати (польс. *koszt, kosztować*) — от немецкого *Kost, kosten* (см. Berneker, Etymologisches Wörterbuch, I, 586; Korbut, Prace Filolog., IV, 451, 503);

рада (польс. *rada*) — от немецкого *Rat* (см. Miklosich, Etymologisches Wörterbuch, 271; Korbut, Prace Filolog., 440; Brückner, Dzieje języka polskiego, 63);

ратушь (польс. *ratusz*) — от немецкого *Rathaus* (см. Vasmer, Etymologisches Wörterbuch, 496; Korbut, Prace Filolog, 444);

шацункъ (польс. *szacunek*) — от немецкого *schätzen, Schätzung* (см. Łoś, Gramatyka Polska, 121; Korbut, Prace Filolog., 497);

шляхта (польс. *szlachta*) — от немецкого *Geschlecht* (см. Brückner, Dzieje języka polskiego, 550; Miklosich, Etymologisches Wörterbuch, 341; Korbut, Prace Filolog., 458);

варунокъ (польс. *warunek*) — от старо-немецкого *warón* (см. Miklosich, Etymologisches Wörterbuch, 375; Korbut, Prace Filolog., 497);

жолнеръ (польс. *żołnierz*) — от немецкого *Söldner* (см. Brückner, Etymologisches Wörterbuch, 665; Korbut, Prace Filolog., 487).

³⁰ А. Brückner, Dzieje języka polskiego, 1960 (105).

Приведенные в данной статье в качестве примеров слова представляют собой лишь небольшую часть полонизмов, встречающихся в Литовской Метрике.

Кальки с польского языка

В исследуемом памятнике встречаются слова, которые, возможно, относятся к калькам с польского языка.

К таким калькам чаще всего относятся названия католических праздников, как, напр.: *Внебовзятъе* (ср. польс. *Wniebowzięcie*), *Божье Вступ(л)енье* (ср. польс. *Boże Wstąpienie*), *Свято Трехъ Крелевъ* (ср. польс. *święto Trzech Królów*) и пр.

Встречаются также фразеологические выражения, скопированные с фразеологизмов польского языка, напр.: *за живота* = «при жизни» (ср. польс. *za żywota*); *задавати неправды* — «лгать, клеветать» (ср. польс. *zadawać kłamstwa*); *выходити съ памяти* = «забывать» (ср. польс. *wychodzić z pamięci*); *сами презъ себе* (ср. польс. *sami przez siebie*) и пр.

Слово *двурожоный* представляет собой кальку с польского слова *dwurodzony* (или же с русского *двоюродный*).

Слово *мети* в нашем памятнике употребляется в различных значениях, совпадающих со значением в других восточно-славянских языках. Однако в одном документе Книг судных дел это слово применяется в значении «состояться»: «Съемъ *будеть мети* у Вильни». Можно предполагать, что оно представляет собой в этом случае кальку с польского *ta być* в значении «должно состояться».

Есть некоторое основание предполагать, что слово *вглянути* также является калькой с польского слова *wglądnać*; значения этих слов совпадают, т. е. «рассмотреть»: «И мы, *вглянувши* въ тыи листы, ... зрозумели тому» (ЛМ Книга судных дел, III, 631—35).

Одной из особенностей, характерных для многих языков, является соответствующее фонетическое и морфологическое оформление заимствований, в данном случае белорусское оформление полонизмов.

В текстах памятника распространено фонетическое оформление заимствований из польского языка.

Замена польского *rz* согласным *р*, напр.: польское слово *zwierzcchność* в памятнике передается *зверхность*; *nieprzezpieczność* — *непрезпечность*; *przerzeczony* — *преречоный*; *nieopatrznie* — *неопатрне*; *potwarzyc* — *потварити*; *przyganić* — *приганити*; *przymuszanie* — *примушанье*; *przyrównać* — *приповѣдати*; *przyrzeczenie* — *приреченье*; *przyśpieć* — *приспети*; *przystojnie* — *пристойне*; *pacierzy* — *патери*; *przez* — *презъ* и пр.

В польских словах словообразовательный элемент, выражающийся согласным *s*, в лексике памятника выражается согласным *ч*, напр.: *выречи* (польс. *wyrzec*); *страченье* (польс. *stracenie*); *утраченье* (польс. *utracenie*); *заплаченье* (польс. *zapłacenie*).

В некоторых случаях польское *dz* передается согласным *ж*, напр.: *Божье Нароженъе* (польс. *Boże Narodzenie*); *вроженъе* (польс. *urodze-*

nie); врожонный (польс. *urodzony*); potwierженье (польс. *podtwierdzenie*) и т. п.

В суффиксе неопределенной формы глагола польский согласный *s* передается в соответствующих словах памятника согласным *t*, напр.: *звести* (польс. *zwieść*); *впасти* (польс. *wpaść*); *заказати* (в значении «запретить») (польс. *zakazać*). Подобное явление выступает и в корне или в основе слова, напр.: *втиски* (польс. *uciski*); *втечи* (польс. *ucieć*); *почтиве* (польс. *roszcziwie*); *чтити* (польс. *szcić*); *збитье* (польс. *zbiecie*) и т. п.

В польской приставке *od-* конечный согласный *d* передается согласным *t*, напр.: *отволатися* (польс. *odwołać się*); *отмовяти* (польс. *odmawiać*); *отмыкати* (польс. *odmykać*); *отбитье* (польс. *odbicie*) и т. п.

В области вокализма отмечаются следующие факты:

Польский гласный *ó* во всех случаях превращается в гласный *o*, напр.: *умовити* (польс. *umówić*); *збойца* (польс. *zbójca*); *поки* (польс. *póki*); *забойство* (польс. *zabójstwo*); *размовити* (польс. *rozmówić*) и т. п.

Польские носовые *-ia-*, *-ie-* передаются в преобразованиях как *-я-* или *-е-*, напр.: *взяень* (польс. *więzień*); *увязаньесе* (польс. *iwięzanie się*); *увязати* (польс. *iwięzać*); *хлопята* (польс. *chłopięta*) и т. п.

На место польского *-ia-* в памятнике значится гласный *-e-*, напр.: *сведомье* (польс. *świadomie*); *сведотство* (польс. *świadectwo*); *светчити* (польс. *świadczyć*); *осветчити* (польс. *oświadczyć*); *досветченье* (польс. *doświadczenie*); *местечко* (польс. *miasteczko*); *наменовати* (польс. *namianować*).

В глаголах неопределенной формы польский суффиксальный *-ie-* заменяется гласным *-и-*, напр.: *заповедити* (польс. *zarowiedzieć*); *роspоведити* (польс. *rozpowiedzieć*); а также в корне слова: *шпикговати* (польс. *szpiegować*); *попиранье* (польс. *porierać*); *обирати* (польс. *obierać*) и т. п.

Также в неопределенной форме глагола суффиксальный гласный польский *-a-* соответствует гласному *-у-* в словах памятника, напр.: *загинути* (польс. *zagiąć*); *отприсягнути се* (польс. *odprzysięgnąć się*) и т. п.

Польский гласный *-у-* чаще всего передается гласным *-и-*, напр.: *хибити* (польс. *chybić*); *циновий* (польс. *cynowy*); *чили* (польс. *czyli*), однако находим также и гласный *-ы-*, как напр.: *инстыкговати* (польс. *instygować*); *выводенье* (польс. *wywodzenie*) и др.

Фонетические расхождения сравнительно с польскими словами отмечаются в памятнике в единичных случаях, т. е. встречаются отдельные слова с неодинаковым написанием, напр.: *зошлый* (польс. *geszły*); *одоитье* (польс. *odejście*); *позычати* (польс. *pożyczać*); *позычка* (польс. *pożyczka*); *шовць* (польс. *szewc*); *споломъ* (польс. *spółem*); *пуделечко* (в польском *л* твердый — *pudefeczko*); *цвинтарь* (польс. *cmentarz*, в говорах и *swintarz*); *проборць* (польс. *proboszcz*).

Отмечаются в памятнике также некоторые структурно-морфологические особенности в преобразованиях польских слов, т. е. морфологическое оформление, соответствующее белорусскому языку.

Некоторые существительные среднего рода польских слов на *-e* в памятнике имеют окончание *-oe*, напр.: *будное* (польс. *budne*); *торговое* (в значении существительного) (польс. *targowe*).

В некоторых существительных адъективного характера изменяется окончание, так, напр.: *подканцлерей* (польс. *podkanclerzy*); *подкоморий* (польс. *podkomorzy*); *подскарбий* (польс. *podskarbi*); *подстолий* (польс. *podstoli*).

В большинстве случаев в польских существительных мужского рода на *-ek* встречается в памятнике окончание *-окъ*, напр.: *збытокъ* (польс. *zbytek*); *поплатокъ* (польс. *poplatek*); *пахолокъ* (польс. *racholatek*); *спадокъ* (польс. *spadek*); *варунокъ* (польс. *warunek*); *жабинокъ* (польс. *zabinek*, т. е. драгоценный камень лягушьего цвета, ср. польс. *zaba* = «лягушка»).

В окончаниях отвлеченных существительных польское окончание *-e* в словах памятника выражается как *-ье*, напр.: *вызнаванье* (польс. *wyznawanie*); *помешканье* (польс. *romieszkanie*).

Некоторые притяжательные прилагательные, наряду с окончанием *-овъ*, имеют и окончание *-ий*. Возможно, что окончание такого рода возникло под влиянием польского языка. Примеры: *бискуповъ* и *бискупий* (польс. *biskupi*).

В некоторых случаях отмечается смешанный морфологический состав: одни части слова польского, а другие — белорусского характера, напр.: *ойцовъ* (ср. польс. *ojciec*); *прихорети* (ср. польс. *przychorować*); *органистинъ* (ср. польс. *organista*).

Сложные формы прошедшего времени с вспомогательным глаголом *быть* в настоящем времени часто следуют польскому образцу, а именно: окончание формы настоящего времени от глагола *быть* *-мъ* присоединяется часто, как и в польском языке, не к глаголу, а к местоимению. Примеры: «и я-мъ ся отволываль...» (ЛМ Кн. суд. дел, III, 1510—18); «...анимъ его видель» (ЛМ Кн. суд. дел, 1253—36); но: «мѣлъ есми ему да ти ... и не дало-мъ» (ЛМ Кн. суд. дел, I, 283—42).

Сложные неопределенные местоимения в памятнике выступают с польской частицей *kolwie(k)*, как напр.: *ко л ь в е который, чей ко л ь в е, кто ко л ь в е к ъ*.

В исследуемой лексике находим параллельные формы двух наречных окончаний: наряду с флексией *-o*, восходящей к древнерусскому языку, очень часто встречается флексия *-e*, свойственная польскому языку, напр.: *слушне* (польс. *sluszenie*) = «правильно»; *моцне* (польс. *mocnie*) = «силой»; «и казалъ его передъ собою *моцно* поставити» (ЛМ Кн. суд. дел, II, 1077—7); *неотповедне* (польс. *nieotpowiednie*) = «безответственно»; «забилъ брата нашего ... безвинне, *неотповедне*» (ЛМ Кн. суд. дел, I, 247—17).

Фактический материал исследуемого памятника, отражающий в некоторой степени процесс распространения польского языка на терри-

тории этнической Литвы, показывает, что польское влияние, особенно на деловой язык, еще не приняло такого размаха, с каким оно проявилось в XVII веке и позже.

Vilniaus valstybinis V. Kapsuko v.
universitetas,
Rusų kalbos katedra

Įteikta
1962 m. spalio mėn.

APIE LIETUVOS METRIKOS (TEISMO BYLŲ KNYGŲ) POLONIZMUS

V. STASAITIENE

Re z i u m ė

Straipsnyje nagrinėjami vieno iš senosios baltarusių kalbos paminklų, būtent, Lietuvos metrikos (Teismo bylų knygų), polonizmai.

Pradžioje apžvelgiama literatūra rūpimu klausimu, toliau iškeliamos fonetinės bei morfologinės polonizmų, sutinkamų paminkle, ypatybės; duodami leksinių polonizmų pavyzdžiai.

Straipsnio autorius bando pagrįsti mintį, jog nagrinėjamoju laikotarpiu į senosios baltarusių kalbos paminklą patekusių polonizmų didelę dalį sudaro žodžiai, atsiradę iš kelių šaltinių. Vieni jų išliko iš bendrosios slavų kalbos, kiti yra ne kas kita, kaip lenkų kalbos skoliniai, patekę į ją iš čekų ir vokiečių kalbų.

Siai minčiai patvirtinti nurodomi žinomų kalbininkų, kaip Briuknerio, Bernekerio, Slavskio ir kitų, teiginiai.

Atskirame skyrelyje nagrinėjami kai kurie senosios baltarusių kalbos žodžiai, kurie galėjo susidaryti kalkiavimo būdu iš atitinkamų lenkų kalbos žodžių.

Straipsnyje duodama tik dalis polonizmų, sutinkamų Lietuvos metrikos Teismo bylų knygoje, tačiau ir ji leidžia padaryti kai kurias išvadas.
